

Постскриптум

В последней книжке журнала «Литературный критик» напечатана моя заметка, во второй своей части посвященная тому «принципу», согласно которому нынешние издатели пушкинских сочинений в большей или меньшей степени, на сей раз, правда, с оговорками и отступлениями, стремятся «воспроизвести текст в том составе и в том виде, как он был установлен автором». На примере «однотомника» 1936 г., который все-таки гораздо лучше выпущенного в 1924 г., можно легко проследить, к чему это на практике сводится: к благополучному воскрешению специально для Пушкина бенкендорфовской и прочей цензуры, сплошь и рядом заставлявшей Пушкина «окончательно устанавливать» в печати свой текст. Характерным образчиком (одним из приведенных мною) служат бессмертные строфы VI главы «Онегина» («Среди бездушных гордецов, среди блистательных глупцов» и т. д.), которые поэт, начиная со второго издания, вынужден был печатать в «примечаниях», где этим стихам было в самом деле как-то безопаснее от жандармского глаза, чем в тексте. Это вынесение потрясающих, могучих строф в примечания, так страшно портившее весь конец VI главы, разумеется, не было удержано позднейшими редакторами, — и во всех полных изданиях Пушкина (Ефремова и др.) они печатались на своем естественном месте, где Пушкин их поместил в своем первом издании, то-есть в тексте. А современные нам пушкинисты без тени основания начали их печатать на задворках, в «примечаниях».

Такова эта теория «окончательно установленного самим поэтом текста». «Самим» поэтом! «Сам» поэт и не то проделывал над собой, как известно: в 1820 г. внезапно укатил на целых три года в Кишинев, в 1824 г. вдруг помчался из Одессы в Михайловское. Все «сам»!

Моя заметка в «Литературном критике» уже печаталась, когда вышел II том «Пушкинского временника», принесший еще одну иллюстрацию любопытных результатов, которые дает названная теория, так внимательно и деликатно относящаяся к весьма активному, хоть и не всегда

видимому сотрудничеству цензуры в деле окончательного установления «пушкинского» текста.

В моих «Заметках» взяты примеры из поэзии Пушкина. Но и в его прозе далеко не все, к нашему несчастью, нравилось цензуре сто лет тому назад, а досему тоже далеко не все дается читателю в 1937 г. На стр. 811 (однотомника 1936 г.) читаем о том, что Петр I поехал к могиле Стеньки Разина и велел разметать курган «дабы увидеть его кости».... Читателю преподносятся далее эти задумчивые три точки.

А если читатель захочет прочесть то, что в самом деле написал Пушкин, то пусть возьмет хотя бы «Пушкинский временник» том II (Москва, 1936 г.), пусть раскроет его на стр. 435, и тогда он прочтет слова настоящего Пушкина: «...хоть кости славного бунтовщика — вот какова наша слава!»

[Почему «сам» Пушкин принужден был сделать это «усечение», — на это «Пушкинский временник» дает вполне точный, ясный и реальный ответ: «явно по цензурным соображениям». (А насколько Пушкин всю жизнь интересовался Степаном Разиным, явствует хотя бы из его письма, написанного в ноябре 1824 г. из села Михайловского Сергею Львовичу Пушкину: «Вот тебе задание! Историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории».)

Но вот почему в 1936 г. тоже признано за благо произвести это «усечение» — этого никто объяснить не возьмется. А в однотомнике 1936 г. нигде об этом «усечении» даже и не упоминается!

[Пропала, развеялась без следа мысль Пушкина, испарилось куда-то его многозначительное восклицание, погубили его эпитеты, такие тут характерные, такие важные. Зато соблюден «принцип», в котором «научности» ровно столько же, сколько литературного вкуса, критического смысла и уважения к исторической правде.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
В Т О Р А Я

Г О С Л И Т И З Д А Т

1 9 • Ф Е В Р А Л Ь • 3 7